

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода. 3 » 50 »
 На три мѣсяца. 2 » — »
 Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Изъ дальнихъ лѣтъ. Т. Пассекъ. —
 II. Поваренная соль. Н. Кувшинникова. — III. Среди
 природы и людей. С. Лаврентьева.

ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ.

Славянскъ.

АХЪ, КОГДА въ душѣ рай, все кажется раемъ! чуть не раемъ и намъ стала казаться наша степная жизнь. Ушли мы, какъ говорится, по уши въ пшеницу, просо, травы, жито. Завернетъ ли сосѣдъ, явится ли прикащикъ Василь, или писарь Петро потолковать о благодатной погодѣ или на приказъ, такъ и заберемся въ сѣнокосы, въ хлѣба, на бакчу.

— Ужъ травы! Василь, говорить Володя, не проймешь! куда! Ёхаль я по степи въ телѣжкѣ на пасѣку, трава живой силой настукаетъ, около осей такъ и плетется, такъ и вьется! Вотъ такъ травы!

— Благодать Господня! и пшеницей Богъ не обидѣлъ. Не такъ чтобы высока, а густа и на зерно лучше быть не надо, замѣчаетъ Василь, расправляя усы и пріятно улыбаясь.

— Славную полянку выбрали на пасѣку, совсѣмъ въ глуши лѣсной. Дѣдъ пасѣчникъ молодецъ, пчела вьется, жужжить вокругъ него—дѣдъ ничего, только что не ласкаетъ ее. И землянка у дѣда славная, надъ самою землянкой клень перекинулся черезъ грушу, да такой густой, что легъ вѣтками на землю.

— Этотъ дѣдъ хорошей семьи—Бережнымъ прозывается, сказалъ Василь, пчела любитъ человѣка хорошаго—дурной не подходитъ—изжалить. Къ Бережному пчела сядетъ на руку и ничего—сидитъ смирно. А вотъ въ недѣлю мы съ дѣдомъ прилетный рой сгребли.

— Какъ это? спросилъ Володя.

— Прихожу я къ дѣду, смотрю, на дубкѣ точно шапка виситъ и золотится межъ листьевъ.—Рой, говорю, смотритъ дѣдъ—точно рой, подошли тихохонько, стряхнули и—въ улей.

— Замѣчаютъ, что прилетный рой къ счастью.

— На што лучше. На ваше счастье, панычъ, Господь тотъ рой послалъ.

— Почему на мое, Василь, а можетъ на твое или на дѣда?

— Вашъ лѣсочекъ, и все что въ лѣсочкѣ — птица-ли, звѣрь-ли, все ваше. Мы благодарить будемъ—если позволите намъ изпола терень рвать.

— А каковъ у насъ терень?

— Слива! крупный, наливка изъ него — меда не надо. Что тебѣ вишневка! можетъ и грушу-кислицу намъ на квасъ отдадите.

— Рвите грушу, а терень пополамъ.

— А хмѣль? Владиміръ Вадимовичъ.

— Рвите и хмѣль. Только бы деревья не портили, да кольевъ не рубили.

— Вчера курскихъ человѣкъ пятьдесятъ косарей пришло, нанимаются на пшеницу.

— Цѣна какая?

— Цѣна ничего, средняя. Идутъ поденно, идутъ и по недѣльно.

— Надо нанять. Каждый день дорогъ—не успѣешь одинъ хлѣбъ собрать, другой готовъ. Еще дня четыре жаровъ—пшеница осыпаться станетъ.

Жары стояли палящіе, лѣто во всю ширь. Солнце жгло. Днемъ ищешь бывало уголка прохладнаго. Я вставала съ разсвѣтомъ и уходила на террасу. Солнце свѣтило на нее послѣ полудня, сверхъ того, по колоннамъ взбѣжали широколистный хмѣль да пунцовые турецкіе бобы и раскинулись по протянутымъ между колоннъ веревочкамъ цвѣтущей стѣной. Кругомъ меня все оживало понемногу. Изъ слуховаго окна, надъ домомъ, слетали къ террасѣ голуби—бѣлые и дымчатые, хохлатые и безъ хохловъ, съ мохнатыми ногами и простые, египетскіе, турманы; какъ только имъ выносили корытцо съ водой и сыпали пшеницу и просо, изъ-подъ террасы выбѣгали мои любимыя бланжевыя кохинхинскія куры, къ нимъ подбирались воробьи, а въ высотѣ появлялся то коршунъ, то ястребъ и, распластавъ крылья, плыли по воздуху.

Надъ хатками вьется изъ трубъ дымъ; чабаны идутъ въ степь съ овцами. Къ полудню, деревенскіе ребята, за небольшую плату, приносятъ корзины крупной, спѣлой ожины и ароматной полевой клубники. Ягоды перебираемъ, варимъ варенье и ѣдимъ со сливками.

Спадетъ жаръ—идемъ въ Сергѣевскій садъ, или ѣдемъ на степь—тамъ съ закатомъ солнца косари отдыхаютъ, отработавши день. Необыкновенно живописно когда они

группами сидятъ вокругъ костровъ. Въ рукахъ люльки, *) шапка на бекрень. Иногда слышится сопѣлка или скрипка, кто нибудь отхватываетъ трепака, картина оживляется еще больше, когда приваливаютъ къ косарямъ гребцы—особенно парубки и дивчата, тутъ порой за полночь слышится топотъ пляски подъ пѣсню:

Выйшли въ поле косари,
Косить ранкомъ на зари;
Ой ну-те косари,
Бо не рано почали,
Хоть не рано почали,
Такъ богато утали.

До обида покосылы,
Востры косы притупылы.
Ой ну-те косари.

.....

По обида виддыхалы
Потимъ косы поклепалы.
Ой ну-те косари

.....

О полудни граблы сино,
И въ валочки клалы щыльно.
Ой ну-те косари.

.....

А въ вечери холодкомъ
Клалы въ копочки рядкомъ.
Ой ну-те косари.

.....

Завтра треба рано встаты.
У стижечки щобъ покласты.
Ой ну-те косари,
Бо не рано почали
Хотя нерано почали
Такъ богато утали.

*) Трубки.

МАЛОРОССІЙСКІЕ ТИПЫ.

Жниво самое трудное время для крестьянина.

Въ Малороссіи оно требуетъ большой поспѣшности. Хлѣба быстро поспѣваютъ одинъ за другимъ. Земледѣліе главное занятіе малоросса, страна эта хлѣбородная, плугъ и воля необходимая принадлежность его хозяйства. Три или четыре пары воловъ, запряженные въ тяжелый плугъ, глубоко бороздятъ землю. Кромѣ хлѣбныхъ растений — сѣютъ ленъ, коноплю, сурепицу. Засаживаютъ бакчи дынями и арбузами.

У насъ была бакча обширная. Идемъ на бакчу, издали пахнеть дынями и огурцами. Встрѣчаетъ дѣдъ съ своей собакой и пробираешься за нимъ сквозь кукурузу и подсолнечники, на ровное мѣсто гдѣ стелятся сѣтью толстые плети съ широкими листьями. Среди нихъ зеленѣютъ громадныя арбузы, длинныя огурцы и желтѣютъ дыни. Зрѣлыя срываемъ и веземъ на телѣжкѣ на барскій дворъ: тамъ штукъ десять отбираемъ; пожмешь арбузъ — трещить, готовъ; взрѣжешь — малиновый, на вкусъ сахаръ — кушайте. Взрѣжешь дыню — аромать на весь домъ, кушайте, ананаса не надо. Остальные поль-воза дынь, арбузовъ, кукурузы — отдается прислугѣ. Ими они завтракаютъ, въ обѣдъ и ужинъ лакомятся.

Сдѣлавши нѣсколько знакомствъ, мы отъ времени до времени стали ѣздить въ Славянскъ, отъ которато въ трехъ верстахъ лежатъ соленыя озера. Вода этихъ озеръ, кромѣ поваренной соли, содержитъ въ своемъ растворѣ и другія соли, которыя придаютъ ей цѣлебныя свойства. При этихъ озерахъ построено водолечебное заведеніе съ горячими ваннами въ самомъ зданіи, съ душами, и холодными купальнями на озерѣ.

Каждое лѣто со всѣхъ концовъ Россіи больныя съѣзжаются на эти воды лечиться, тогда не только что мѣстечко водъ, но и небольшой городокъ Славянскъ оживляются. Въ ротондѣ, при минеральныхъ водахъ, каждый вечеръ играетъ очень хорошая музыка, молодые люди танцуютъ въ большой, прекрасной залѣ. Съ одной стороны залы идетъ гал-

лерея, открытая въ тѣнистый садъ, расположенный по берегу озера и кругомъ ротонды. Къ бальной залѣ прилегаютъ комнаты уборныя, для куренья, для игры въ карты и для ужина. Тутъ же есть и буфетъ съ чаемъ, конфектами, фруктами, прохладительными напитками. Многіе изъ мѣстныхъ жителей, въ опредѣленные дни для бала, пріѣзжаютъ съ своими семействами просто повеселиться. Между ними мы встрѣчали много людей образованныхъ и просвѣщенныхъ, милыхъ молодыхъ дѣвушекъ и дамъ. Костюмы большей частию просты, но съ большимъ вкусомъ, встрѣчаются и роскошныя. Въ цѣломъ чувствуется что-то общее, семейное—теплое.

На эти вечера пріѣзжаетъ много молодыхъ людей военныхъ, изъ полковъ стоящихъ по окрестнымъ мѣстамъ. Танцы очень оживлены. Мазурка танцуется прелестно—настоящая мазурка.

Иногда устраивается въ ротондѣ театръ, играютъ пьесы больше малороссійскія. Даются и недурные фейерверки—вблизи озера. Въ одинъ день мы собрались осмотрѣть солеваренные заводы, на которыхъ добывается поваренная соль изъ воды озера. Дорога отъ Славянска къ озерамъ идетъ по песчаной мѣстности. Куда ни взглянете—пески и пески, мѣстами поросшіе мелкой травой, чабрецемъ, запахъ котораго слышится издалика, и высокими желтыми цвѣтами, съ широкими листьями. Полуденное солнце жгло сильно, въ воздухъ было душно и пыльно. Далеко не виднѣлось ни деревца, ни хатъ; но вотъ показалось какое-то черное пятно, точно большая гора—это былъ градирь солевареннаго завода. Вскорѣ мы были возлѣ него.

Градирь—высокое, длинное, рѣшетчатое зданіе, внутренность рѣшетокъ наполнена хворостомъ, а чтобы хворостъ былъ не очень сильно сжатъ своею массой, то въ нѣсколькихъ мѣстахъ проложенъ брусьями.

Градирь—главная принадлежность солевареннаго завода.

Намъ показали какъ вываривается соль;—такъ какъ раз- соль озера довольно слабый, то выпаривать лишнюю воду на огнѣ стало бы дорого; поэтому воспользовались солнечными лучами и теплотой воздуха, которые и дѣлаютъ то, что дѣлалъ бы огонь.

Воду озера подаютъ на верхъ градильни, гдѣ устроенъ большой бассейнъ. Отъ него идетъ широкая труба, съ маленькими кранами, черезъ нихъ вода льется на хворостъ тонкой струей, разбивается въ мелкія капли, а проходящій черезъ хворостъ теплый воздухъ частию испаряетъ воду, и рассоль пройдя градильню сверху внизъ становится гуще. Перепущенный нѣсколько разъ, онъ дѣлается такъ густъ, что его переливаютъ въ большія желѣзныя сковороды, нагрѣваютъ огнемъ, вода окончательно испаряется, и соль осядаетъ твердыми кусочками.

Осматривая градирь, мы взопли по плохой лѣстницѣ на верхъ и были поражены открывшейся картиной. Передъ нами была широкая степная даль, два большія озера, зданіе минеральныхъ водъ, съ садомъ, бѣлыя хатки, разбросанные повсюду красивые домики съ закрытыми окнами и ни одной живой души. Солнышко загнало всѣхъ въ холодокъ. За всѣмъ этимъ виднѣлась песчаная даль.

Сойдя съ градильни, мы были удивлены лошадыю, которая ходила по наклонному деревянному кругу, и ударами ногъ приводила его въ движеніе, оставаясь сама на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Этимъ способомъ производится подъемъ воды на градирь. *) Вращающійся кругъ соединенъ особенными зубчатыми колесами, которыя приводятъ въ вращательное движеніе длинное предлинное полотно, на которомъ приклеплены ведра; ведра внизу, захвативши воду изъ резервуара, поднимаются на верхъ градира, переворачиваются, выливаютъ всю воду въ бассейнъ и пустыми возвращаются внизъ.

*) Я видѣла это въ шестидесятыхъ годахъ. Въ настоящее время произведены большія перемѣны.

Такъ вотъ, эту работу—поднятіе полныхъ ведеръ и производить лошадь, вращая наклонный кругъ.

Жаль было смотрѣть на нее. Она напрягала всѣ силы, старалась перейти кругъ, но нѣтъ, кругъ уходилъ у нее изъ подъ ногъ, а она оставалась на мѣстѣ.

Лошади долго не выносятъ такой работы, у нихъ слабѣютъ ноги, и онѣ дѣлаются калѣками.

Съ желѣзныхъ сковородъ вынимаютъ осѣвшую соль, и если надобно получить соль болѣе чистую, растворяютъ ее въ свѣжей водѣ, отдѣляютъ грязь и соръ, увариваютъ и оставляютъ въ покоѣ, чрезъ нѣкоторое время соль осѣдаетъ чистыми кристаллами.

Въ Славянскѣ мы останавливались всегда у купца Пятирублева. Намъ отводилось три прохладныя комнаты, окнами на улицу, на которой рано утромъ открывался базаръ. Чего только не было на этомъ базарѣ: и сливы, и паляницы, и пшено, ягоды, куры, раки, хлѣбы бѣлые и черные, бублики, масло, яйца, ягоды, все, что только въ ту пору родилось и добывалось. Слышался неясный шумъ, похожій на шумъ моря, прерываемый временами крикомъ и перебранками перекупокъ. Шумъ и говоръ смѣшанныхъ голосовъ будили меня, я одѣвалась, садилась къ окну, раскрывала его, — любовалась пестрымъ базаромъ и покупала черезъ окно что было надобно. Часто на базарѣ являлись слѣпые бандуристы, народъ окружалъ ихъ и внимательно, порой съ намернувшимися на глазахъ слезами, слушалъ ихъ незатѣйливо спѣваемые думки о быломъ—близкомъ сердцу народа.

Т. Лассекъ.

ПОВАРЕННАЯ СОЛЬ.

I.

СОЛЬ известна человѣку съ незапамятныхъ временъ. Въ книгахъ, писанныхъ до Р. Х., есть указаніе о какомъ-то соленомъ углѣ, которымъ приправлялись кушанья. Вѣроятно, древніе германцы оттуда и усвоили себѣ способъ добыванія соли. Они лили соленую воду на раскаленные угли, вода испарялась, а соль осѣдала на угляхъ въ видѣ черной корки, которой и приправлялась пища.

Соляные источники, въ древнее время, считались священными; ихъ огоражали заборами, и большими укрѣпленіями.

Ясно, что и въ то отдаленное время люди уже цѣнили соль, понимали ея необходимость и чувствовали ея пользу, но объяснить себѣ, въ чемъ эта польза, не могли; науки мало были развиты, да и люди мало имъ вѣрили.

Теперь же, благодаря широко развившимся наукамъ, мы знаемъ, что поваренная соль играетъ важную роль въ питаніи человѣка и животныхъ.

Всякая пища: мясная, рыбная, мучная—непремѣнно готовится съ солью; кушанья безъ соли не вкусны,—стоитъ посолить, и они становятся пріятными на вкусъ. Поваренная соль рядомъ съ хлѣбомъ составляетъ самую употребительную пищу человѣка, безъ нее человѣкъ

не проводить ни одного дня. Даже больные, и тѣ въ бульонѣ, въ котлетахъ принимаютъ соль.

Принимая соль съ пищей, касалось-бы, она составляетъ только вкусную приправу, на самомъ же дѣлѣ, соль сама по себѣ такое же необходимое вещество для питанія человѣка, какъ хлѣбъ, мясо, вода.

Справедливость этого лучше всего видна на животныхъ; они инстинктивно сознаютъ необходимость соли для своего питанія.

Дикіе, косматые бизоны въ Америкѣ сбѣгаются цѣлыми стадами на солончаки, чтобы полизать соленый песокъ.

Для чего же надобно соль организму человѣка? Она необходима для образованія крови, въ составъ которой входитъ въ значительномъ количествѣ; изъ крови же образуются твердыя части нашего тѣла: кости, суставы. Кромѣ того, соль надобна для образованія пищеварительнаго желудочнаго сока, способствующаго перевариванію пищи, т. е. извлеченію изъ нея самаго необходимаго для образованія крови.

Мясо, хлѣбъ, вообще принимаемая нами пища содержитъ въ своемъ составѣ соль; но этой соли недостаточно для хорошаго питанія организма, тѣмъ болѣе, что соль выдѣляется изъ нашего тѣла чрезъ поры кожи, въ испаринѣ, потому-то испарина и имѣетъ солоноватый вкусъ.

Если бы пища содержала въ своемъ составѣ достаточно соли, то не было бы никакой надобности ее солить. Дикари, живущіе въ юго-западной Африкѣ, никогда не употребляютъ соли; даже и европейцы, путешествуя по этой странѣ, не ощущаютъ въ ней надобности оттого, что пища тамъ сама по себѣ вводитъ въ организмъ требуемое количество соли. Напротивъ же, внутри Африки соль составляетъ самое драгоцѣнное и изысканное лакомство.

При недостаточномъ употребленіи соли человѣкъ чахнетъ, слабѣетъ; являются разныя болѣзни, питаніе идетъ плохо.

Слѣдовательно, соль не есть одна приправа нашей пищи, а и необходимое вещество для нашего здоровья.

II.

Изъ чего же состоитъ поваренная соль, это драгоценное вещество? Прежде чѣмъ говорить о составѣ соли—одного изъ тѣлъ природы, посмотримъ вообще, какія бываютъ тѣла. Всѣ тѣла природы являются въ двухъ видахъ: тѣла простыя и тѣла сложные. Простыя тѣла во всѣхъ своихъ малѣйшихъ частяхъ будутъ состоятъ только изъ самихъ себя, другаго ничего мы въ нихъ не найдемъ. Такъ: желѣзо, серебро, ртуть и т. д., что бы мы съ этими тѣлами ни дѣлали, какимъ бы процессамъ физическимъ и химическимъ не подвергали, другаго тѣла въ нихъ не найдемъ.

Сложныя же тѣла, какъ: дерево, вода, керосинъ, сахаръ, всегда состоятъ изъ двухъ или трехъ простыхъ тѣлъ, раздѣлить которыя возможно благодаря наукѣ, называемой химіей.

Чистый желѣзный гвоздь тѣло простое; но если мы оставимъ его лежать на влажномъ воздухѣ,—желѣзо притянетъ изъ воздуха одну изъ его составныхъ частей, газъ кислородъ и соединится съ нимъ; тогда образуется новое, сложное тѣло изъ желѣза и кислорода, буро-красный порошокъ, называемый ржавчиною.

Въ этомъ порошокѣ химія намъ откроетъ и желѣзо, и кислородъ.

Поваренная соль по виду—тѣло простое; какой бы мы маленькій кусочекъ соли не взяли, она такъ же крѣпка, такъ же бѣла и солоната, какъ и въ большой массѣ.

На самомъ же дѣлѣ поваренная соль—тѣло сложное, состоящее изъ металла—натрія и газа—хлора.

Натрій хотя и металлъ, но такой легкій и мягкій, что плаваетъ на водѣ и легко рѣжется ножомъ. Въ свѣжѣмъ разрѣзѣ цвѣтомъ походитъ на серебро.

Хлоръ сильно ядовитый газъ, зеленоватаго цвѣта. Дышать имъ ни одно животное не можетъ; сначала появляется

кровохарканье, а при продолжительномъ вдыханіи можетъ произойти и смерть.

Эти два простыхъ тѣла, соединяясь между собою, образуютъ поваренную соль, которая ни цвѣтомъ, ни свойствами не походить ни на хлоръ, ни на натръ.

Чтобъ уяснить себѣ, какъ происходятъ соединенія тѣлъ, возьмемъ ленточку металла магнія, того самаго, который продается для освѣщенія елокъ, и подожжемъ его спичкой. Магній загорится яркимъ, бѣлымъ свѣтомъ, когда вся ленточка сгоритъ, увидимъ, на блюдечкѣ, гдѣ горѣлъ магній, мягкій, бѣлый порошокъ, котораго прежде не было. Этотъ порошокъ, называемый окисью магнія, есть соединеніе магнія съ кислородомъ воздуха которое образовалось при горѣніи.

Наполнимъ стаканъ хлоромъ и введемъ туда кусочекъ натрія; натрій сейчасъ же загорится и будетъ соединяться съ хлоромъ; горѣніе прекратится, когда не станетъ хлора или натра, а на днѣ стакана найдемъ бѣлый, соленый порошокъ—нашу поваренную соль.

И такъ, поваренная соль—тѣло сложное, состоящее изъ натра и хлора, химически соединенныхъ между собою.

Соль тверда, растворима какъ въ горячей, такъ и въ холодной водѣ, растворъ, содержащій много соли, называется насыщеннымъ. Если мы такой растворъ оставимъ стоять въ покоѣ, то изъ него будутъ выдѣляться кусочки соли формы правильнаго куба; изъ обыкновеннаго слабого раствора соль выдѣляется при усиленномъ нагрѣваніи; вода начнетъ испаряться, растворъ сдѣлается крѣпче, и соль станетъ осѣдать, но не кубами, какъ въ первомъ случаѣ, а маленькими шестисторонними воронками.

Это выдѣленіе соли изъ растворовъ называется кристаллизаціею, а твердые кусочки—кристаллами.

На кристаллизаціи основанъ способъ добыванія соли изъ естественныхъ рассоловъ, какъ-то: изъ морской воды, соляныхъ озеръ и пр.

Продажная соль притягиваетъ влагу изъ воздуха и дѣлается сырою; поэтому-то, въ общежитіи, ее считаютъ предсказательницею хорошей и дурной погоды. Соль сыра—будетъ дождь; соль суха—погода хороша; это происходитъ оттого, что всякая продажная соль не вполне чиста, въ ней есть соединенія металла магнія, которыя и способствуютъ ей такъ чувствительно относиться къ сырости. Чѣмъ грязнѣе соль, тѣмъ она больше притягиваетъ влагу. Чистая же соль во всякомъ воздухѣ остается сухою.

III.

Поваренная соль чрезвычайно распространена въ природѣ. Она является въ двухъ видахъ: 1) въ готовомъ твердомъ видѣ, залегая въ землѣ и называется каменною солью; 2) въ видѣ густыхъ и слабыхъ растворовъ въ водахъ морей, рѣкъ, озеръ и источниковъ.

Пласты каменной соли встрѣчаются во многихъ странахъ. Они обыкновенно залегаютъ на значительной глубинѣ, громадными массами чистой, бѣлой соли; иногда же бываетъ перемѣшана съ почвой, съ разрушенными горными породами, прорѣзываясь небольшими жилами чистой соли.

Всѣ мѣста, гдѣ залегаютъ каменная соль, должно быть въ давно прошедшее время были дномъ озера, а можетъ и моря.

Вода этихъ озеръ содержала много соли, по мѣрѣ испаренія воды соль отлагалась на днѣ толстыми пластами, что въ настоящее время и видно въ Элтонскомъ озерѣ.

Могло случиться, что вода подобныхъ озеръ вся испарилась или чрезъ какой нибудь геологическій переворотъ ушла въ другое мѣсто, тогда отложившаяся соль осталась на поверхности земли открытою. Прошло еще много времени, и новые земные перевороты скрыли въ нѣдрахъ земли эти осадки, разорвали самые пласты и перерѣзали ихъ горными по-

родами. Въ открытыхъ залежахъ видно, то соль лежитъ громаднымъ, цѣльнымъ пластомъ, то отдѣльными жилами.

Самыя богатая мѣсторожденія чистой каменной соли находятся близъ города Велички, въ Галиціи и у насъ въ Россіи, въ 68 верстахъ отъ Оренбурга, близъ Илецкой Защиты.

Величкинскія залежи открыты въ 1105 году по преданію св. Кинигунда, женою польскаго короля Болеслава V.

Въ Величкѣ соль залегаетъ глубоко въ глинистой почвѣ съ примѣсью гипса, на 30 саженной глубинѣ начинается чистая каменная соль.

Величкинскій пластъ въ длину идетъ на $2\frac{1}{2}$ версты, въ ширину на 514 саж., а въ глубину на 171 сажень.

Разработка соли, залегающей на такой глубинѣ, чрезвычайно затруднительна; она ведется по всѣмъ правиламъ горнаго искусства, т. е. посредствомъ глубокихъ колодцевъ, — шахтъ и боковыхъ подземныхъ галлерей или штольней.

Добыча соли идетъ слѣдующимъ образомъ: съ поверхности роютъ глубокія шахты, дойдя до пласта, чистой соли, углубляются въ пластъ и начинаютъ вести главные галлерей — штольни уже въ самой соли, отъ главныхъ галлерей ведутъ маленькія боковыя; такъ что на извѣстной глубинѣ пластъ изрѣзывается цѣлою сѣтью подземныхъ улицъ и переулковъ.

Постепенно вынимая соль, штольня идетъ все дальше и дальше. По стѣнамъ галлерей ставятъ толстые деревянные столбы, а на нихъ кладутъ перекладины, чтобы не могло произойти обвала. Веденіе галлерей тяжело и утомительно.

Соль крѣпка; рабочіе съ топорами, кирками, иной разъ лежа на спинѣ или стоя на колѣняхъ, медленно откалываютъ кусокъ за кускомъ и, какъ кроты, углубляются все дальше и дальше; другой разъ ни кирка, ни топоръ не дѣйствуютъ успѣшно, тогда взрываютъ порохомъ, причемъ подвергаются ужасной опасности, быть погребеннымъ подъ обрушившимися галлереями; благодаря тому что при взрывѣ происходитъ страшное сотрясеніе воздуха, галлерей легко могутъ обру-

питься. Если представить себѣ, что работа идетъ при свѣтѣ лампочекъ (одневномъ свѣтѣ въ шахтахъ и понятія не имѣютъ), въ узкомъ, низкомъ пространствѣ, гдѣ воздухъ наполненъ мельчайшею соляною пылью, которая, попадая въ ротъ и глаза, страшно раздражаетъ ихъ, то хотя соль и готовая уже залегаетъ въ землѣ, но получить-то ее стоитъ многихъ и многихъ трудовъ.

По галлереемъ проложены рельсы, по которымъ ходятъ вагончики, подвозя выломанную соль къ шахтѣ, гдѣ подъемная машина поднимаетъ ее на поверхность земли.

Затѣмъ, соль разбивается на болѣе мелкіе куски, мелется на мельницахъ и въ тонкомъ порошокѣ пускается въ продажу.

Величинскій пласть, благодаря его значительной толщинѣ, разрабатывается въ 5 отдѣльныхъ этажахъ, изъ которыхъ первый лежитъ на глубинѣ 180 футовъ. Съ поверхности прорыто 13 шахтъ, служащихъ для подъема соли, выхода и входа рабочихъ.

Осматривающаго Величинскія копи поражаетъ грандіозность картинъ въ копияхъ и дѣятельность, которая идетъ въ нихъ.

Тамъ, на глубинѣ нѣсколькихъ десятковъ сажень, лежатъ большія озера. Въ одномъ изъ этажей знаменитая церковь св. Антонія, поражаетъ своимъ великолѣпіемъ; въ ней все: столы, статуи, алтарь и множество украшеній высѣчено изъ соли; при свѣтѣ факеловъ, соль отражаетъ свѣтъ разнообразными цвѣтами и придаетъ церкви какой-то фантастическій видъ.

По галлереемъ идетъ шумъ, говоръ рабочихъ, удары топоровъ и кирокъ, движеніе вагончиковъ—все это вмѣстѣ заставляетъ забыть ту глубину, на которой все это происходитъ.

У насъ въ Россіи богатая мѣсторожденія каменной соли находятся близъ Илецкой Защиты.

Когда открыта тамъ соль—неизвѣстно; съ 1754 года началась разработка лежащаго на 937 десятинахъ пласта, толщина котораго доходитъ до 68 саж.

Въ Илецкой Защитѣ соль лежитъ не глубоко, всего на 3—4 саж., прикрытая сверху пескомъ, почему добыча ея не представляетъ большаго затрудненія: снявъ землю, соль вырубаютъ большими правильными кусками, называемыми кабанами. Кабаны разбиваются кирками на болѣе мелкіе куски, которые въ продажѣ извѣстны подъ именемъ комовой соли; осколки и порошокъ, остающійся при раскапываніи, составляетъ мелкую соль.

Илецкая соль самая лучшая; она чиста, прозрачна и тверда; истолченная въ порошокъ прямо идетъ въ пищу.

IV.

Вторымъ мѣсторожденіемъ соли является вода морей, озеръ и многихъ источниковъ, гдѣ она находится въ растворѣ.

Вода всѣхъ морей солона, но не одинакова; одно море имѣетъ воду болѣе горько-соленую, другое менѣе, все зависитъ отъ числа выпадающихъ въ море прѣсныхъ водъ. При устьяхъ рѣкъ вода почти не солона, такъ какъ бываетъ сильно разжижена прѣсными водами. Поэтому, чѣмъ море принимаетъ больше рѣкъ, тѣмъ вода его менѣе содержитъ соли. Такъ, вода Средиземнаго моря несравненно солонѣе воды Чернаго, въ которое изливается меньше рѣкъ, чѣмъ въ Средиземное.

Количество солей въ морской водѣ не велико; всего вообще вода содержитъ до 3,5% разныхъ солей, между ними главнымъ образомъ поваренную соль—2,7%.

Въ теплыхъ странахъ, гдѣ жаръ солнца великъ, добываніе морской соли ведется самымъ простымъ и дешевымъ способомъ. Преимущественно этимъ занимаются по берегамъ Средиземнаго моря.

Выбираютъ ровный, невысокій берегъ, гдѣ волна прилива невелика и отъ моря проводятъ каналъ въ большой бассейнъ, вырытый на берегу. Каналъ у моря закрываютъ шлюзами.

Во время прилива, силой напора воды, шлюзы открываются, и вода вливается по каналу въ бассейнъ; при отливѣ же вода, устремляясь обратно въ море, закрываетъ шлюзы, и бассейнъ остается наполненный водой.

Изъ этого бассейна вода перепускается въ другіе бассейны, гдѣ она отстаивается отъ раковинъ, песка и прочихъ примѣсей. Когда вода отстоится, ее переливаютъ въ третьи бассейны; здѣсь происходитъ испареніе воды, нагрѣваемой солнечными лучами.

По прошествіи нѣсколькихъ дней вода становится на столько соленою, что соль выдѣляется мелкими кристалликами; тогда воду переливаютъ въ четвертые бассейны—кристаллизационные.

Этимъ бассейнамъ придаютъ большую площадь въ 200—500 футовъ длины и ширины, а глубину наименьшую въ $1\frac{1}{2}$ фута, для того, чтобы лучи солнца могли лучше прогрѣвать воду.

Каждое утро въ эти бассейны наливается столько воды, сколько можетъ испариться въ продолженіи дня. По мѣрѣ того, какъ вода испаряется, соль начинаетъ выдѣляться мелкими кристалликами, которые сначала плаваютъ на поверхности воды въ видѣ пленки, а затѣмъ быстро осѣдаютъ на дно, образуя бѣлую, твердую массу.

На другой день наливаютъ снова воды изъ третьихъ бассейновъ; къ вечеру вода вся испарится, а соль твердой массой опять осядетъ на дно.

И такъ поступаютъ каждый день въ продолженіи 6 мѣсяцевъ, послѣ чего весь бассейнъ наполнится солью.

Плотно слившуюся соль разбиваютъ топорами въ куски и складываютъ въ пирамидальныя большія столбы. Массы эти сверху прикрываются камышемъ или тонкимъ слоемъ глины, а иногда даже кирпичами, для предохраненія отъ дождевой воды и такимъ образомъ оставляютъ ихъ на цѣлый годъ.

Въ теченіи года горько-соленая вода стечетъ внизъ и соль

сдѣляется чистою. Хотя морская вода и мало содержитъ соли, но, благодаря нагрѣванію лучами солнца, добываніе морской соли не только, какъ мы видѣли, возможно, но и выгодно.

V.

Въ полярныхъ странахъ теплыхъ лучей нѣтъ, но тамъ есть сильные морозы, ими человѣкъ и воспользовался для добычи себѣ соли изъ морской воды.

Извѣстно, что прѣсная вода замерзаетъ легче соленой. Если мы выставимъ на морозъ соленую воду, она замерзнетъ, но ледъ ея будетъ состоять изъ прѣсной воды, соль останется въ растворѣ; вынемъ ледъ и дадимъ водѣ замерзнуть снова; ледъ опять будетъ содержать лишь прѣсную воду; поэтому послѣ нѣсколькихъ разъ подобнаго вымораживанія мы получимъ такую воду, въ которой будетъ уже находиться много соли.

Въ полярныхъ странахъ пользуются этимъ свойствомъ соленой воды и производятъ добычу соли слѣдующимъ образомъ: на берегу моря устраиваютъ большіе бассейны, которые во время прилива наполняются водой. Вода замерзаетъ, образовавшійся ледъ вынимаютъ, и водѣ даютъ снова покрыться льдомъ; послѣ нѣсколькихъ замерзаній, вода остается въ бассейнѣ съ значительнымъ содержаніемъ соли, тогда ее перекачиваютъ въ котлы и окончательно выпариваютъ до выдѣленія твердой соли уже на огнѣ.

Такая добыча производится у насъ въ Архангельской губерніи.

VI.

Третье мѣсторожденіе соли, — это соляные источники и озера.

Дождевая вода, просачиваясь въ землю, находитъ иногда глинистый слой, по которому и течетъ подземнымъ клю-

чемъ; встрѣчая на пути горныя породы, пропитанныя солью, или небольшія жилы каменной соли, вода растворяетъ соль и выбѣгаетъ на поверхность земли уже солянымъ источникомъ.

Нѣсколько такихъ источниковъ сбѣгаются въ котловину и, неимѣя стока къ морю, образуютъ соленое озеро.

Солеваренные заводы у насъ, въ Россіи, добываютъ соль изъ такихъ источниковъ и озеръ. Первое сгущеніе соленого рассола дѣлается на такъ называемыхъ градирахъ, которые устраиваются слѣдующимъ образомъ: представимъ себѣ нѣсколько высокихъ, длинныхъ рѣшетчатыхъ, деревянныхъ стѣнъ; промежутки между стѣнами наполнены тонкимъ хворостомъ, чрезъ что получимъ толстую хворостяную стѣну, гдѣ прутья будутъ лежать свободно, не надавливая другъ на друга, а потому вѣтеръ и воздухъ безпрепятственно могутъ проходить между ними. На верху градира помѣщается большой бассейнъ, который наполняется водою озера или источника. Отъ бассейна идетъ вдоль градира труба со множествомъ небольшихъ крановъ.

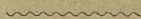
Пущенный рассоль лется чрезъ краны на градирь и, встрѣчая тонкіе прутья хвороста, разбивается въ мелкія брызги и въ такомъ видѣ стекаетъ въ нижній бассейнъ, находящійся подъ градиромъ.

Вѣтеръ и воздухъ, нагрѣтые лучами солнца, свободно проходятъ между хворостомъ, гдѣ встрѣчая рассоль, разбитый въ мелкія брызги и испаряютъ изъ него воду.

Рассоль, пройдя разъ градирь, теряетъ достаточно воды, чрезъ что становится гуще и богаче солью.

Н. Кувшинниковъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

СРЕДИ ПРИРОДЫ И ЛЮДЕЙ. *)

 (Посвящается Наташѣ и Зинѣ Дьяконовымъ).

I.

На берегу Атлантическаго океана.

МСНЫЙ морозный вечеръ. Весело скрипитъ снѣгъ подъ полозьями саней. Свѣтлая луна катится, будто шаръ стеклянный, по темно-синему небу, усыянному мириадами звѣздъ. Затѣйникъ—морозъ выводитъ мудреные узоры по оконнымъ стекламъ и шаловливо пощипываетъ носы и уши.

Но тепло и уютно въ столовой у Даниловыхъ. Кругомъ стола, освѣщеннаго висячей лампой, сидятъ и большіе, и малые, каждый за своимъ занятіемъ. Бабушка раскладываетъ пасьянсъ на одномъ концѣ стола, время отъ времени поглядывая, какъ Володя, съ помощью отца, клеитъ большую крестьянскую избу, по рисункамъ. Эта изба не мало интересуетъ и маленькаго Юрія, нетерпѣливо ожидающаго когда будетъ готова высокая крыша, съ пѣтушками и коньками, и онъ разсѣяниѣ обыкновеннаго разсматриваетъ съ матерью книгу съ картинками. Старшія дѣвочки сидятъ подлѣ тети Маши. Наташа вышиваетъ красивый коврикъ, Зина вяжетъ крючкомъ салфеточку.

— А помнишь, папа, ты обѣщаль рассказать намъ что нибудь изъ твоего путешествія? спросила Наташа: хорошо бы теперь, когда мы все вмѣстѣ!

*) Подъ этимъ названіемъ будетъ помѣщенъ рядъ легкихъ научныхъ статей .

— Да, папа! Расскажи! упрасивала Зина.

— Знаешь, про этих животных то... начал Володя немного нараспѣвъ.

— Про слоновъ! перебил его бойко Юрій, блестя черными, как уголь, глазами и хлопая рукой по картинѣ изображавшей африканскаго слона, старавшагося хоботомъ согнуть дерево.

— Какойты смѣшной, Юрій,—проговорила, смѣясь, Наташа: вѣдь папа путешествовалъ по Европѣ, а тутъ нѣтъ слоновъ...

— А есть, а есть!.. Въ Зоологическомъ саду! подхватилъ, не смущаясь, Юрій: еще какъ булки-то глотаетъ! Помнишь, Воля? Дѣти засмѣялись.

— Дѣти, вы только мѣшаете! замѣтила Зина; папа хотѣлъ рассказать про морскихъ животныхъ и про море...

— Про приливъ и отливъ! подхватила Наташа.

— Ну, такъ слушайте же,—проговорилъ отецъ: я расскажу вамъ о тѣхъ приморскихъ городахъ, гдѣ я купался—Аркашонъ и Біарицъ, и о моемъ первомъ знакомствѣ съ моремъ и его жителями.

— Заговоривъ объ Аркашонѣ—такъ началъ онъ, прямо надо заговорить и о морѣ, такъ какъ самая красивая часть Аркашона расположена на лѣсистыхъ горахъ, образовавшихся изъ наноснаго морскаго песку. На морскихъ берегахъ, покрытыхъ мелкимъ, легкоподвижнымъ пескомъ, образуются такъ называемыя дюны, т. е. длинные ряды песчаныхъ холмовъ, которые, гонимые вѣтромъ, часто проникаютъ далеко внутрь страны. Разыграется буря; катится валъ морской широкой, могучей волной, далеко размахнется по берегу и съ ревомъ уйдетъ назадъ, оставивъ на берегу новую долю сыпучаго песку и все выше да выше растутъ песчаные холмы; а подуютъ сильные вѣтры—песчаные холмы обваливаются, засыпаютъ поля, цѣлые лѣса и деревни, что не разъ бывало въ юго-западной Франціи, омываемой волнами Бискайскаго моря, всею своею ширью сливающагося съ могучими водами Атлантическаго океана.

Этакой же опасности подвергалась не разъ и та мѣстность, гдѣ теперь лежитъ хорошенькій городокъ Аркашонъ. И придумали люди, что самое лучшее средство укрѣпить сыпучіе пески — это развести на нихъ растительность, насадить деревьевъ, которыя, пустивъ глубоко корни, укрѣпятъ почву. Такимъ образомъ начинаютъ, мало по малу, съ нижнихъ частей этихъ песчаныхъ холмовъ и до самаго верха садить разныя деревья. Сначала сѣютъ сосну и дрокъ; затѣмъ покрываютъ почву зелеными вѣтками, которыя укрѣпляются воткнутыми въ землю скобками. Защищенные вѣтками сѣмена всходятъ, и растенія разрастаются чрезвычайно быстро. Посѣянные на Аркашонскихъ холмахъ сосны въ 16 лѣтъ достигли высоты, болѣе чѣмъ въ 15 аршинъ, и теперь представляютъ превосходный лѣсъ, а на долинахъ, защищенныхъ деревьями, растутъ хорошія кормовыя травы.

— Вотъ-то умно придумали! не утерпѣла, чтобы не проговорить Наташа.

— Эти морскіе пески—продолжалъ отецъ — понадѣлали такихъ прихотливыхъ дюнь по берегу, что одну часть моря окружили будто кольцомъ, образовавъ тихую бухту, называемую Аркашонскимъ бассейномъ, она только узкой полосой воды соединяется съ остальной частью моря и представляетъ самое спокойное купанье, тѣмъ болѣе что пляжъ состоитъ изъ ровнаго, мелкаго песку, по которому идешь будто по гладкому полу.

— А тутъ бываютъ тоже приливы и отливы? спросила Зина.

— Какъ же, ежедневно. Но о приливахъ и отливахъ я расскажу вамъ подробно, когда мы будемъ говорить о Біаррицѣ, гдѣ они интереснѣе, тамъ берегъ скалистый и потому богатъ морскими животными, о которыхъ я тогда вамъ и поразкажу; а теперь остановимся на Аркашонѣ, куда я пріѣхалъ подъ вечеръ чудеснаго августовскаго дня. Отель, въ которомъ я остановился, стоялъ на самомъ берегу, окруженный красивымъ садикомъ, изъ котораго выходили прямо на пляжъ, къ цѣлому ряду маленькихъ домиковъ или ка-

бинокль, для переодѣванія въ купальные костюмы. Вода стояла на приливѣ и тихая, будто засыпавшая, чуть чуть набѣгала лѣнивой струей на низкій берегъ. Воздухъ былъ такъ прозраченъ, что ясно рисовалась на горизонтѣ, за дюнами обрамлявшими бассейнъ—темная полоса слегка волнистаго океана. Весь вечеръ я провелъ на широкомъ балконѣ, куда выходили двери всѣхъ квартиръ втораго этажа, такъ какъ онъ шелъ кругомъ всего дома, открывая видъ на всѣ стороны. Скоро солнце юркнуло въ море, а вслѣдъ затѣмъ быстро стемнѣло, только тысячи яркихъ звѣздъ горѣли на глубокомъ сводѣ ночнаго неба. Вспыхнули огоньки, кое гдѣ, по берегамъ, а вотъ вдругъ вспыхнули они и на водѣ: то рыбаки выѣхали ловить рыбу съ острогой. Острога—это подобіе огромной вилки или желѣзнаго трезубца, воткнутаго на длинную палку. Сзади лодки, подъ металлической сѣткой, воткнуть факель изъ смолистаго дерева сосны, горящій яркимъ пламенемъ, освѣщающимъ неглубокое дно близъ береговъ, у которыхъ тихо подвигается лодка; и сквозь прозрачную воду ясно видна спящая рыба, которую рыболовы пронзаютъ своей острогой. Такая ловля примѣняется, конечно, къ особенно крупной рыбѣ; остальная ловится сѣтями.

Проснувшись утромъ очень рано, я пошелъ на пляжъ, гдѣ большіе и дѣти, всѣ въ купальныхъ костюмахъ, бултыхались въ тихой водѣ, причѣмъ дѣти выскакивали на морской бережекъ, подбирая раковины. Я тоже выкупался, а затѣмъ пошелъ побродить, чтобы немного ознакомиться съ мѣстностью, направившись въ болѣе уединенную часть городка, одна часть котораго расположена внизу, по берегу моря и называется лѣтнимъ или купальнымъ городомъ, а другая, или зимній городъ находится на верху, на песчаныхъ холмахъ, поросшихъ лѣсомъ. Въ этой части, гдѣ теплѣе, такъ какъ она болѣе защищена отъ морскихъ вѣтровъ, зимой живетъ очень много пріѣзжихъ, пользующихся мягкимъ климатомъ и здоровымъ сосновымъ запахомъ.

По обѣимъ сторонамъ улицы, по которой я шелъ, скром-

ныя лавочки мелкой торговли чередовались со скромненькими маленькими дачками, съ миниатюрными садиками и выходившими въ нихъ террасами и балкончиками. Вдоль тротуаровъ тянулся рядъ развѣсистыхъ платановъ, съ ихъ широкими лапчатыми листьями. Не смотря на ранній часъ, вездѣ кипѣла жизнь. Французы, вообще, трудолюбивый народъ. У нихъ работаютъ все: и взрослые и дѣти, охотно помогая своимъ родителямъ, въ свободные отъ школы часы. Кто подмѣталъ садики и тротуары; кто тщательно опрыскивалъ передъ домами, прибывая пыль; кто, внутри маленькихъ комнатъ, съ широко раскрытыми на улицу дверьми, занимался шитьемъ или глаженьемъ, или копошился за выручкой крошечныхъ мелочныхъ лавокъ. Вотъ, молодой рабочій, въ синей блузѣ, важно выступая подлѣ телѣжки, наполненной тонкими карявыми сучьями, старается выкрикивать басомъ „le bois“ *)—„au charbon“ **) подхватываетъ другой, возсѣдая на облукѣ другой телѣжки запряженной сухопарымъ осликомъ. Вотъ цѣлая подвижная лавочка глиняной посуды помѣщается въ фургонѣ везомомъ одною изъ тѣхъ здоровенныхъ лошадей—великановъ, какія мы видимъ въ рабочихъ французскихъ лошадяхъ. Вотъ другая такая же лавочка съ посудой оловянной. Ихъ окружаютъ заботливыя хозяйки маленькихъ домиковъ, и начинается торговля, прерываемая веселыми прибаутками и дружнымъ смѣхомъ. Босой, черноглазый мальчуганъ, звонко похлопывая ногами и еще звонче выкрикивая: „les moules“ ***) бѣжитъ съ корзиной черныхъ раковинъ. Толстая усатая баба, въ большой соломенной шляпѣ, съ широкими полями, спѣшитъ къ городскому рынку съ корзинами какой-то мудреной рыбы, а сзади маленькихъ домиковъ, море тихо набѣгало на низкій берегъ, и солнце все выше да выше поднималось по ярко-лазурному небу. Подъ конецъ улицы пошли все мелкіе, низенькіе домики рыбаковъ, и улица за-

*) Дрова.

**) Уголь.

***) Ракушки.

кончилась довольно грязнымъ пляжемъ бассейна, на берегу котораго чинили и смолили лодки.

Я пошелъ назадъ. Не доходя до дома, свернулъ въ сторону и сталъ по песчанымъ холмамъ взбираться къ красивому сосновому лѣсу, еще не застроенному домиками, поднимаясь все выше да выше, по узкой извилистой тропинкѣ. Тихо, ароматно. Подъ сѣнью развѣсистыхъ, темно-зеленыхъ сосенъ, разрослись пышные букеты папоротника, кусты испанскаго дрока и красиваго, ярко-лиловаго вереска. Поднявшись до высоты, откуда, съ одной стороны, сквозь разступившуюся чащу сосенъ, былъ видѣнъ синеватый кряжъ отдаленныхъ горъ, а съ другой—море и противоположный берегъ, я сталъ спускаться съ другой стороны и скоро, услышавъ голоса, наткнулся на очень любопытную сцену.

Надобно вамъ сказать, что жители этого побережья, въ числѣ другихъ промысловъ, занимаются гонкой древесной, сосновой смолы, отчего произошло и самое названіе Аркашона, что на простонародномъ нарѣчьи страны значитъ древесная смола. Вотъ я и наткнулся на одного изъ такихъ рабочихъ, красиваго мужчину, среднихъ лѣтъ, работавшаго съ помощью двухъ мальчугановъ, несшихъ за нимъ необходимыя для работы вещи. Надобно было видѣть, съ какою ловкостью онъ приставлялъ къ дереву свою незатѣливую лѣстницу, состоявшую просто изъ гибкой палки, съ сдѣланными на ней остренькими, будто зазубренки, ступеньками, и какъ взобравшись на нее, небрежно приставленную къ дереву, балансировалъ будто на канатѣ, преспокойно работая обѣими руками. Особеннымъ ножомъ, въ видѣ маленькой сѣкиры, дѣлалъ онъ на деревѣ нѣсколько продольныхъ надрѣзовъ, къ концу которыхъ прикрѣплялъ маленькіе глиняные горшечки, въ которые потомъ набиралась вытекавшая изъ дерева смола, чистая будто хрусталь. Мы разговорились. Я спросилъ его не вредятъ ли дереву эти надрѣзы.

— О, нисколько, отвѣчалъ онъ: можно нѣсколько лѣтъ подъ рядъ употреблять одно и то же дерево, дѣлая надрѣзы въ

разныхъ мѣстахъ его, и это нисколько ему не вредить и его не измѣняетъ. Смола набирается скоро, надо только осматривать горшечки и мѣнять ихъ. Хорошій работникъ можетъ въ продолженіи года сдѣлать надрѣзы болѣе чѣмъ у двухъ тысячъ деревьевъ, и это хорошій промыселъ, смола идетъ на многое: изъ самой чистой выдѣлываютъ теперь разные полезныя лекарства; а худшій сортъ, который тяжелъ и непрозраченъ, идетъ на варъ, канифоль и пр.

— А вы не боитесь такихъ лѣстницъ? спросилъ я.

— О, нѣтъ! Мы привыкли къ такого рода работѣ! Вотъ мои мальчуганы, когда не въ школѣ, то же помогаютъ мнѣ; несутъ за мною горшечки; прикрѣпляютъ тѣ, которые пониже. Они знаютъ, что всѣмъ надобно работать; я и мать работаемъ теперь, чтобы ихъ кормить и воспитать. А какъ поставимъ ихъ на ноги, они сами начнутъ работать и для себя, и для своихъ дѣтей, и для насъ стариковъ, когда мы станемъ уже слабы и не въ силахъ работать.

Онъ говорилъ, привѣтливо смотря на своихъ черноглазыхъ мальчугановъ, отвѣчавшихъ ему такимъ же привѣтливымъ взглядомъ, твердо вѣрившихъ той истинѣ, которая звучала въ его простой рѣчи; ловко работая своими загорѣлыми руками и спокойно, будто на прочномъ полу, стоя на своей шаткой лѣстницѣ. Я отъ души пожелалъ ему удачи въ трудѣ и пустился въ дальнѣйшій путь, межъ стройныхъ сосенъ, стволы которыхъ были повсюду увѣшаны глиняными горшечками.

Я вернулся въ свой отель, какъ разъ въ ту минуту, когда раздался звонокъ призывавшій къ завтраку. Было ровно 11 часовъ. За длинными столами веселой свѣтлой столовой, выходившей широкими окнами на море, уже разсѣлись нѣкоторые изъ жильцовъ отеля, принявшіеся за закуску, состоявшую изъ отличнаго масла, редисокъ и цѣлой груды крошечныхъ креветокъ...

— Это что такое, папа? живо спросила Зина.

— Креветъ, маленькій ракъ, изъ семейства длиннохвостыхъ раковъ, величиной не болѣе вершка. Онъ покрытъ

упругой роговой кожицей, съ длиннымъ щиткомъ на головѣ, съ приплюснутыми боками и длиннымъ, загибающимся къ низу, хвостомъ. Нѣкоторые прозрачны, какъ стекло. Всѣхъ видовъ креветовъ, живущихъ только въ европейскихъ моряхъ, считаютъ до девяносто. Они двигаются очень быстро, даже дѣлаютъ ловкіе прыжки. При видѣ непріятеля, креветъ очень искусно и быстро зарывается въ песокъ, откуда торчатъ только его круглые глазки, будто сторожевые фонарики. Но и это положеніе не спасаетъ бѣднаго кревета отъ сѣти рыбака, который, изучивъ хитрости маленькаго штукаря, устроилъ сѣть натянутую на желѣзный или деревянный обручъ. Этотъ обручъ, царапая песчаное дно моря, зацѣпляетъ въ песокъ креветовъ и загоняетъ ихъ въ сѣти. А налавливаютъ ихъ множество, такъ какъ они очень вкусны и нѣжны, и съѣдаются цѣликомъ со шкуркой, положенные на хлѣбъ съ масломъ.

— А я бы ихъ не сталъ ѣсть, такихъ маленькихъ! проговорилъ жалобнымъ голосомъ Юрій, громко вздыхая и опираясь на руку розовой, какъ крымское яблоко, щекой.

— А если бы ты не сталъ ихъ ѣсть, ихъ все равно съѣли бы въ морѣ другія, болѣе сильныя, чѣмъ они, животныя! замѣтилъ отецъ, и продолжалъ свой рассказъ:

— Послѣ завтрака, начатаго креветами, я быстрыми шагами отправился къ пароходной пристани, откуда долженъ былъ отойти пароходъ къ мысу, обрамлявшему конечную часть Аркашонскаго бассейна, называемаго Капъ-Ферре (Cap-Ferret), съ котораго видна открытая часть моря сливавшаяся съ океаномъ. Публики набралось довольно много. Пути до той стороны было полъ-часа. Пристали къ низкому песчаному берегу, у самой пристани котораго стоитъ скромный трактирчикъ, а кругомъ торчитъ изъ песчаной, наносной почвы, рѣдкій сосновый боръ. Такъ какъ къ тому мѣсту, откуда виднѣнъ океанъ, съ добрую версту, да еще по рыхлому песку, то отъ трактирчика проложены рельсы, по которымъ ходитъ желѣзный одно-конный вагонъ, откры-

тый со всѣхъ сторонъ. Усѣлись на диванчикахъ другъ противъ друга. Всѣ въ веселомъ расположеніи духа. Особенно смѣшиль одинъ баринъ, рассказывая разные анекдоты съ поѣздами.

— Вы еще погодите,—говорилъ онъ, смѣшно подмигивая и нахлобучивая на бекрень какую-то уморительную шапочку: очень то удобно не разсаживайтесь! Намъ еще скоро придется самимъ тащить вагонъ. Это здѣсь за-частую бываетъ!

Дамы хихикали, осторожно поддерживая на рукахъ дѣтей и корзинки съ бутылками красного вина и фруктами, безъ чего ни одно французское семейство не отправится на загородную поѣздку, прибавивъ къ этому жареную курицу и хлѣбъ, если поѣздка предпринимается до завтрака или, вообще, можетъ продолжиться. Дорога становилась все песчанѣе. Изъ массы бѣлаго, мелкаго, будто просѣяннаго песку, кое гдѣ торчали чахлые кустики тростника, блѣдной травы и свѣтло-желтаго морскаго иммортеля. Вдругъ вагонъ—стопъ—и ни съ мѣста! Раздается дружный смѣхъ.

— Что, я говорилъ вамъ! торжественно восклицаетъ веселый французъ въ уморительной шапочкѣ, первый соскакиваетъ со скамьи и бѣжитъ помогать лошадямъ. Его примѣру слѣдуютъ всѣ мужчины, дружно принимаясь за работу, съ прибаутками и шутливыми замѣчаніями. Снова тронулись; но однимъ разомъ не отдѣлавшись, такъ какъ по дорогѣ, слегка поднимавшейся вверхъ, была еще не одна такая остановка, каждый разъ сопровождаемая общей работой и неунывавшимъ весельемъ. Издали доносился ревъ моря. Вотъ вагонъ остановился у подножія небольшого холма, на хребтѣ котораго былъ утвержденъ деревянный заборъ, укрѣпленный сваями. Стали взбираться на верхъ, утопая въ волнахъ мелкаго, рыхлаго песку. Взобрались, и остановились въ благоговѣйномъ восторгѣ!

По ту сторону песчанаго холма, шедшаго внизъ такимъ же склономъ, разстилался широкій пляжъ, а за нимъ безграничная, взбудораженная, непокорная масса сизо-зеле-

наго океана, откуда шли гнѣвныя, бурливыя волны. Сила и мощь чувствовалась въ ней, въ этой морской пучинѣ, сила и мощь ничѣму непокорная, ни передъ чѣмъ не преклонная; и какими маленькими, ничтожными казались передъ этими могучими волнами, мы, горсточка людей, называющихъ себя царями природы! Идетъ—идетъ громадный, широкій валъ, все выше поднимается онъ, все круче выгибаетъ свою гордую шею; и вотъ начнетъ загигать свой локонъ сѣдой; темная, бездонная пещера глянетъ изъ-подъ его крути, вдругъ рухнетъ на песокъ, разольется далеко-далеко* и застонетъ, загрохочетъ, и съ ревомъ отпрянетъ назадъ, на встрѣчу новымъ всклокоченнымъ волнамъ.

Полюбовавшись этой грандіозной картиной съ высоты холма, мы спустились внизъ, будто несясь по песчанымъ волнамъ и стали бродить по пляжу, гладкому, какъ ровно отполированный полъ, усыпанному раковинами, силою водоворота, гладко обточенными и будто отполированными. Тутъ были пресмѣшныя сцены, когда волна вдругъ, неожиданно, дѣлала болѣе размашистый шагъ, обдавая до колѣнъ неосторожныхъ, приблизившихся къ краю; а разъ такой капризный могучій валъ понесся съ быстротой на такое пространство, гдѣ его совсѣмъ и не ждали, и какъ же эта публика пустилась отъ него въ скачъ, сопровождая свое бѣгство дружнымъ хохотомъ!

Побродивъ по берегу, мы снова перевалили черезъ песчаные холмы и, достигнувъ нашего вагона, тѣмъ же путемъ вернулись къ трактирщику, уже безъ остановокъ, такъ какъ дорога шла нѣсколько внизъ и лошади было легче. Въ ожиданіи парохода, выпивъ въ трактирѣ краснаго вина, я пошелъ смотрѣть, какъ недалеко отъ пристани, выкладывали только что привезенныя сардинки, укладывая ихъ рядами въ большія корзины, и каждый рядъ пересыпая тонкой солью. Чтобы познать васъ съ этой рыбой, которую вы видѣли только плотно уложенную въ маслѣ, въ маленькихъ жестяныхъ коробкахъ, расскажу вамъ о ней

болѣе подробно. Настоящее ея имя сардель. Она принадлежитъ къ семейству сельдей, очень похожа на нее, только меньше и жирнѣе, и бываетъ рѣдко длиннѣе пяти вершковъ, но выше цѣнится сардель не слишкомъ крупная, какъ болѣе нѣжная. Цвѣтъ ея спинки голубовато-зеленый, бока и грудка серебристо-бѣлаго отлива, а головка—золотистаго. Сардель встрѣчается вдоль всѣхъ береговъ западной Европы. Она очень прожорлива, питаясь преимущественно разной мелкотой и болѣе всего, самыми мелкими креветками, отыскивая ихъ въ пескѣ и щеляхъ между камнями. Ловлей сардели занимаются рыбаки очень прилежно, особенно у береговъ Британіи и Франціи. Небольшая часть идетъ на соленье, а наибольшая, послѣ того какъ ей даютъ полежать въ соли, варится въ маслѣ, потомъ кладется въ жестянные коробки и въ этомъ видѣ идетъ въ продажу, подъ именемъ сардинокъ. Одна Франція сбываетъ въ годъ болѣе десяти милліоновъ такихъ коробокъ, вмѣщающихъ болѣе двухъсотъ милліоновъ сардинокъ. Очень вкусны онѣ тоже копченые.

Въ Аркашонѣ рыбаки прилежно занимаются ловлею сарделей мелкой породы, называемой у нихъ: руаянъ (gozan). Успѣхъ ловли много зависитъ отъ ловкости и смѣтливости рыболова, которому необходимо прежде узнать въ точности мѣсто нахожденія цѣлаго стада и отрѣзать ему путь, не испугавъ его, для чего употребляютъ особо устроенныя сѣти. Рыбаки выѣзжаютъ въ открытое море, когда вода стоитъ низко, и забрасывая длинную, прямую сѣть, бросаютъ въ нее кормъ, смѣшанный съ пескомъ, чтобы еще болѣе привлечь вниманіе сардели. Затѣмъ рыба; желая схватить пищу, проскользаетъ въ петли сѣти, которыя ихъ удерживаютъ за жабры. Онѣ ловятся часто за-разъ въ огромномъ количествѣ. Кромѣ знакомаго приготовленія въ жестянкахъ, ихъ тамъ часто подаютъ за столъ слегка поджаренными, что составляетъ очень вкусное и нѣжное кушанье.

С. Лаврентьева.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИГРУШЕЧКА“.

ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТРОЧЕСКАГО ВОЗРАСТА.

Годъ Изданія Третій.

Одобрень Министерствомъ Народнаго просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ, для мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій, реальныхъ и городскихъ училищъ, и также одобрень Ученымъ при Святѣйшемъ Синодѣ Комитетомъ для чтенія воспитанниковъ духовныхъ училищъ, библіотекъ, а также воспитанницъ женскихъ енархіальныхъ училищъ.

Въ 1882 году журналъ „ИГРУШЕЧКА“ будетъ издаваться еженедѣльно отъ 1^{1/2} до 2^{1/2} печатныхъ листовъ, съ рисунками въ текстѣ и силуэтами Е. М. Бемъ.

Въ февралѣ 1882 г. выйдетъ въ „ИГРУШЕЧКѢ“ повѣсть графа Е. Саллиаса—Самоваръ, и въ продолженіи всего года будутъ помѣщаться статьи, соотвѣтственно отроческому возрасту, еще небывшіе въ печати „ИЗЪ ДАЛЬНЫХЪ ЛѢТЪ“

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи журнала „ИГРУШЕЧКА“, Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16; въ „Современномъ книжномъ магазинѣ“, Пушкинская ул., д. 4, гдѣ находится отдѣленіе конторы журнала „ИГРУШЕЧКА“, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и Н. Г. Мартынова. Гг. иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкой: на годъ 6 руб., на полгода 3 руб. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. Безъ доставки: на годъ 5 руб., на полгода 3 руб.

Редакторъ-издательница **Т. Пассекъ.**

Въ 1-мъ номерѣ „ИГРУШЕЧКИ“ за 1882-й годъ ошибкой былъ доставленъ рисунокъ въ типографію, назначенный для статьи „Венеція“, вмѣсто „Лазурнаго грота“.

Редакторъ-издательница **Т. ПАССЕКЪ.**

Доводено цензурою. С.-Петербургъ, 16 января 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.